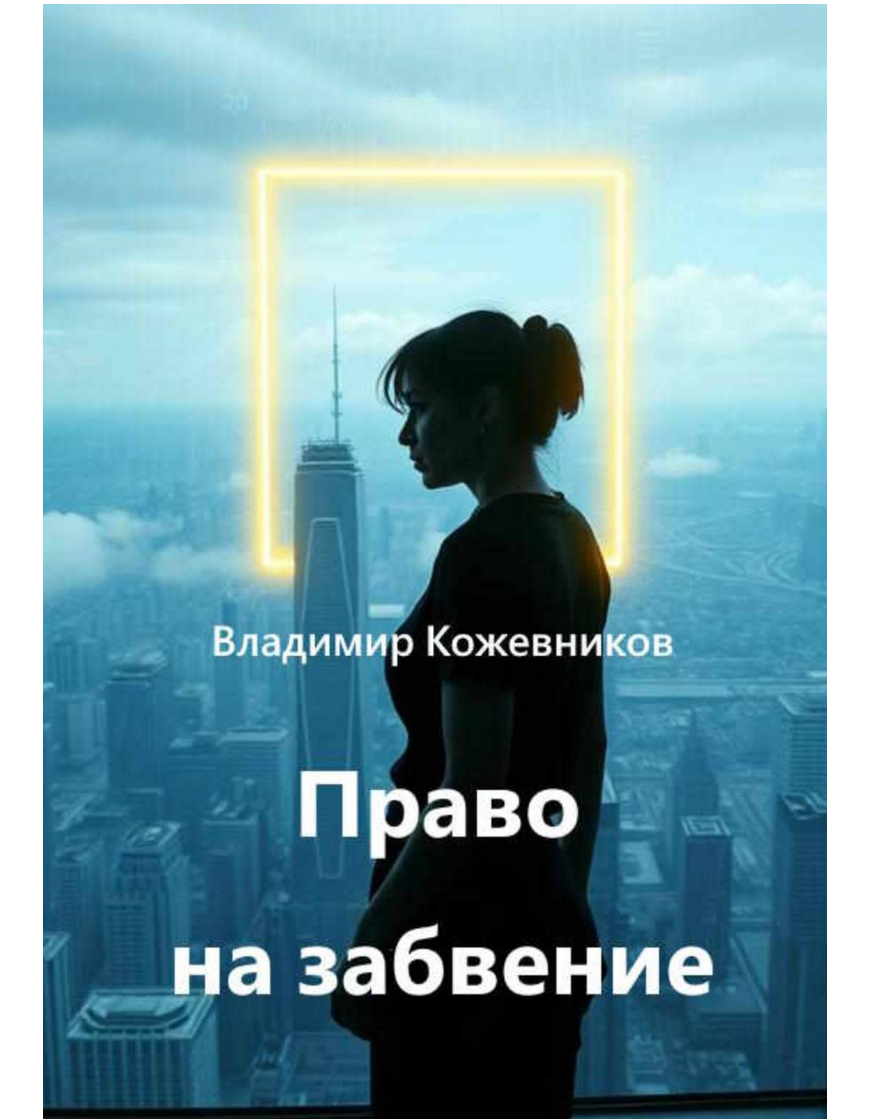

A woman in silhouette is shown from the side, looking out over a city skyline. A glowing yellow rectangle is superimposed on the sky, framing the top of the Empire State Building. The overall color palette is blue and teal, with a hazy, atmospheric background.

Владимир Кожевников

Право на забвение

Владимир Кожевников

Право на забвение

<https://litres.ru/74310719>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где нейроинтерфейс «Мнемос» фиксирует каждый поступок и мысль, понятие частной жизни исчезло. Архитектор Лидия Кан допустила ошибку в расчётах марсианского купола — и Система навечно заклеила её «преступной халатностью», сделав изгоем для пятидесяти миллионов свидетелей. Отчаявшись стереть позор, Лидия находит мифического «Стража Забвения» — создателя «Мнемоса», который ушёл в подполье. Он предлагает ей вирус, не уничтожающий данные, а обрезающий доступ к ним в сознании людей. Испытав его на случайной знакомой, Лидия убеждается: забвение работает. Но, активировав вирус глобально, она рушит саму концепцию «непрощаемого поступка» — и вместе с гнётом всеобщего осуждения исчезает память о лжи, предательствах и преступлениях. Мир получает свободу, но платит за неё утратой гарантированной справедливости. Лидия остаётся одна со знанием, что даже когда все забыли, собственная память не даёт прощения — и только она сама решает, жить ли с этим грузом или отпустить его.

Содержание

Глава 1. Цвет аутопсии	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Право на забвение

Глава 1. Цвет аутопсии

Мир помнил всё. От движения тектонических плит под Новым Шанхаем до последнего нейроимпульса в мозгу младенца, только что сделавшего первый вдох. Закон Мнемонической Постоянной, вшитый в архитектуру «Мнемоса», делал информацию бессмертной. Ни один бит не исчезал, ни один квант пережитого не растворялся в небытии. Человечество возвело себе цифровой пантеон, где каждое деяние, каждая мысль, переведённая нейроинтерфейсом в код, обретали вечную жизнь.

Лидия Кан стояла у панорамного окна на 340-м уровне жилого сектора «Нефритовый пик» и смотрела, как внизу, под идеальной дугой климат-купола, скользят капсулы общественного транспорта. Снаружи её квартиры царил двадцать второй век — эпоха, в которой понятие «частная жизнь» стало архаизмом вроде «колесницы» или «голубиной почты». Но Лидия не ощущала себя частью этой эпохи. Она ощущала себя трещиной в её фундаменте.

Окно было не просто кварцевой панелью — оно служило интерфейсом, на который, при желании, можно было выве-

сти что угодно: от биржевых котировок до прямой трансляции из марсианских куполов. Но Лидия отключила наложение. Она хотела видеть реальность голой, но реальность всё равно просвечивала данными: каждая капсула внизу несла в себе пассажиров, и каждый из них был подключён к Сети не через внешнее устройство, а напрямую — через имплантированную в младенчестве нейроматрицу.

«Мнемос» пятого поколения, внедрённый в зрительную кору, таламус и гиппокамп, делал человека прозрачным для Системы и для других людей. Ты больше не «имел» профиль в соцсети — ты сам был профилем. Твои эмоции, биохимия, ассоциативные цепочки — всё оцифровывалось, индексировалось и попадало в Великую Ленту, доступную для анализа любому, у кого был допуск. А допуск был у всех. Такова была плата за безопасность: абсолютная видимость в обмен на абсолютный покой.

Лидия знала, что уже четырнадцать часов как её собственная запись в Великой Ленте изменилась навсегда.

Она закрыла глаза, и под веками вспыхнули строки вчерашнего дня. Она увидела себя в инженерном модуле «Архитектор» — голографическая воронка Купола-16А, который должен был прикрыть четвёртый сектор Марсианской колонии от пылевых бурь. Расчёты прочности оболочки, композитные слои, резонансные частоты. Руки, вбивающие цифры. Усталые, после бессонной ночи, пальцы. И ошибка: «2.401» вместо «2.410».

Система проверила. Система перехватила. Ни одна трещина не пошла по куполу, ни один колонист не пострадал. Но «Мнемос» зафиксировал не только ошибку. Он зафиксировал её, Лидии, колебание. Микропаузу. Долю секунды, когда она замерла, чувствуя, что что-то не так, но отмахнулась. Система интерпретировала это как «осознанное решение пренебречь перепроверкой» — преступную халатность в мире, где халатность равна покушению.

Её размышления прервал звонок. Не персонализированная мелодия — стандартный системный вызов, похожий на звук падающей капли. Лидия повернулась к двери, и её нейроинтерфейс услужливо подсветил контур, выведя текст: «Судебный исполнитель. Категория: Сигма. Протокол: Инициация Диффамации».

Она знала, что это произойдёт. И всё равно сердце сжалось так, словно на него наложили жгут.

Дверь бесшумно уехала в стену. На пороге стоял мужчина в сером костюме без единой складки, с лицом, которое Лидия не смогла бы описать, даже если бы захотела. Оно было идеально симметричным, с пропорциями, вызывающими доверие у 98% респондентов, и при этом абсолютно лишённым индивидуальных черт. Лицо-растворитель, лицо-паспорт, генерированное нейросетью Службы Мнемонического Надзора. Такие лица меняли каждые сутки, чтобы никто не мог запомнить исполнителя и возненавидеть его.

— Лидия Кан, ID 7-9-Alpha-4-2, — произнёс он голосом,

модулированным до полной стерильности.

— Да.

— На основании Анализа Поведенческого Паттерна, проведённого Ядром Системы в 22:14 вчерашнего дня, вам присвоен Диффамационный Индекс. Степень 4. Пятьдесят миллионов граждан будут оповещены. Тематический пул: колонисты Марса, инженерный корпус, ваши профессиональные и личные контакты, а также все, кто взаимодействовал с вами за последние пять лет.

Пятьдесят миллионов. Лидия попыталась представить это число — и не смогла. Оно было абстрактным, как расстояние до звезды, но в то же время чудовищно конкретным. Это больше, чем население многих стран прошлого. И все они узнают.

Исполнитель сделал паузу — технологическую, словно ожидая подтверждения приёма данных. Затем продолжил:

— Анализ показал: в момент ввода критических параметров в модуль «Архитектор» вы осознавали некорректность своего физиологического состояния для выполнения операций такого уровня. Ваши нейронные паттерны зафиксировали колебание. Вы приняли решение пренебречь перепроверкой. Это классифицируется как «Преступная халатность» согласно статье 17-В Мнемонического Кодекса. Срок действия Индекса — пожизненно, с правом апелляции не ранее чем через десять стандартных лет.

Десять лет. К тому времени слово «Лидия Кан» во всех

языковых моделях мира станет синонимом преступной халатности. Её лицо будет распознаваться любым дверным сканером как маркер угрозы. Дети на уроках этики будут разбирать её кейс. Апелляция была юридическим зомби — формально существовала, но на практике не имела смысла. Ни один судья не рискнёт отменить приговор Системы, потому что это будет выглядеть как потакание безответственности.

Перед ней развернулась голографическая панель подтверждения. Лидия вспомнила вчерашний вечер — не расплывчато, а с той же чёткостью, с какой система записала его. Синтетический эль, которым угощал её коллега Маркус в честь успешной сдачи проекта. Разговоры о новых биомах на Венере. Утро — липкое, мутное, с привкусом металла во рту. Она вбила «2.401» вместо «2.410». И на секунду замерла. В голове промелькнуло: «Пересчитать?» Но она тряхнула головой и нажала «Ввод». Система проверит. Система всегда проверяет.

Система проверила. И записала ту секунду. Секунду её выбора.

Лидия прикоснулась к панели. Тёплая поверхность отозвалась вибрацией, иконка сменилась зелёной галочкой. Подтверждение.

— Спасибо за сотрудничество, гражданка Кан.

Исполнитель исчез, словно его и не было. Лидия осталась одна. Но уже не совсем одна — теперь с ней навсегда остался её Индекс.

В тот же миг её «Мнемос» окрасил периферию зрения в цвет аутопсии — тусклый, блёкло-жёлтый, официальный оттенок общественного порицания. Лидия открыла свою социальную сеть. Рядом с каждым контактом горел значок: «Ожидание решения о подтверждении связи». Люди ещё не знали, но Система уже предупредила их: «Человек, с которым вы взаимодействуете, получил Диффамационный Индекс 4. Рекомендовано прервать контакт до ознакомления с пакетом данных».

Она пролистала список. Мать — «ожидание». Отец — «ожидание». Коллега Маркус, который вчера подливал ей эль, — «ожидание». Наставник из Архитектурной Академии — «ожидание». Каждый контакт сопровождался таймером: через сколько минут система доставит им уведомление. Некоторым — через две минуты. Некоторым — через пятнадцать. Алгоритм рассчитывал оптимальное время, чтобы информация застала их в нужный момент: когда они одни, когда они наиболее восприимчивы, когда впечатление будет максимально глубоким.

Где-то в марсианском куполе, который она помогала проектировать, женщина-инженер с ID «Ким До Ён» заканчивала смену. Она сняла защитный шлем, вытерла пот со лба, и в этот момент её визор вспыхнул жёлтой рамкой. Уведомление. Ким развернула его и увидела лицо Лидии, её усталые глаза, и строку: «Данное лицо допустило ошибку, которая могла привести к разрушению Купола-16А. Ознакомьтесь с

записью для формирования личного отношения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.